

В краю Турченева и Фёта

В ожидании солнца

Зима в России — это целая жизнь, полная драматизма и ожиданий, но она не бесконечна. Мы одолеваяем её с надеждой на весну, которая обязательно придёт и даст нам силы на свершения. Окрылять надежду и питать наши жизненные силы особенно хорошо удаётся поэтам, ведь они обладают особой силой предчувствия. В преддверии весны на Орловской земле родились два поэта, внимательных к жизни, ценящих её во всех гранях и красках. Каждый по-своему, они признаются этому миру в любви, а мир поздравляет их с рождением и весной.

Предлагаем читателям поэтические подборки двух поэтов, открывающих весну по праву рождения — Андрея Фролова и Валентины Корневой.

**АНДРЕЙ
ФРОЛОВ**

СТЪЁМКИ

Глухое рявканье мортир,
дым в поле, как стена...
Снимают фильм «Война и мир» —
сейчас как раз война.

Гороховецкий полигон
теперь — Бородино.
Наш взвод в массовку приглашён...
Такое вот кино!

На десять дней ворвался свет
в армейский серый быт!..
Жаль, во француза я одет
и должен быть убит.

Красиво падать учит нас
известный каскадёр.
И вот грохочет, как приказ:
«Внимание! Мотор!»

Кино — серьёзная игра:
бежим в атаку, но
лихое русское «ура»
кричать запрещено.

Штабной московский генерал
безмерно горд за нас,
А я бы русского играл
правдивей в десять раз!

...
Всю-то жизнь мой отец слесарил,
почитая свой труд за честь.
Под руками его плясали
все металлы, что в мире есть.
Размечал заготовки, резал
и паял, и клепал — за грош.
И шутил:
— Я тебе из железа
чёрта сделаю, если хошь...

А теперь, как его не стало,
прихожу я с вопросом:
— Бать,
из какого, скажи, металла
мне для сердца броню склепать?
Видно, много на нём отметин —
так болит, что уж мочи нет...

Прошуршал над погостом ветер
и принёс мне отцов ответ:
— Ты, сынок, только с виду умный,
а на деле — совсем дурак.
Тех, кто ходит с литой чугуной
вместо сердца, полно и так.
Ты подумай-ка головою:
с железной в груди ты б смог?
А болит... Знать, оно живое,
и ты этим гордишь, сынок...

ВОСПРИЯТИЕ УТРА

Еле светает, а я уже мчусь на работу
и улыбаюсь такому ж, как сам,
идиоту —
каждое утро я бодро ему улыбаюсь,
возле облезлой чугуной ограды
встречаясь.
Небо сырое висит в ожидании
солнца,
кажется, свистни —
и вниз оно тотчас сорвется.
Сплющит в лепёшку
своей многотонной громадой
мир,
окружённый ажурной чугуной
оградой,
мир,
где людей не собаки кусают, а люди,
мир,
бесприютней которого нет и не
будет...
Всё же я рад за себя и того идиота —
есть у нас общее:
есть у нас дом и работа,
краешек неба, где каждое утро
восходь,
и обязательный минимум личной
свободы.

РЕПЕЙ

Под небом пыльным и сухим,
меж двух сквозных степей
живёт адептом строгих схим,
отшельником — репей.

От зноя жилист он и чёрн,
тревожен, как беда;
корнями в выветренный дёрн
вцепился навсегда.

Когда тебе у той черты
случится проходить,
не пожалей глотка воды
и дай ему попить.

ПОСОХ

В зоревых, тяжёлых росах,
в стьолой сумеречной мгле
по земле блуждает посох,
дыры делая в земле.
Сеет смуту и раздорь,
и судачат старики:
— Бродит в поисках опоры,
твёрдой, праведной руки...

**ВАЛЕНТИНА
КОРНЕВА**

БОЛЬШАК

*Впереди большак, подвода,
Старый пёс у колеса,
Счастье, молодость, свобода,
Солнце, степи, небеса.*

*И. Букин.
1889*

Грусти немерено —
что-то не так,
Сердце с тяжёлою
ношею,
Время-ковья заколышет
большак,
С ветром проносится
прошлое.
Толпы собратьев
на древнем пути
Славу добыли
победами.
Нам ли бездарно меж ними
идти
С ленью, пороками,
бедами?
Встретит с укором
Герой-славянин —
Спрячемся:
стали пугливы мы.
Кровь лишь по-прежнему
цвета рябин,
Скорби склоняются
ивами.
Не обойти стороною
большак,
Славу, что пелась
Баянами.
Грусти не мерено —
что-то не так...
Будут ли внуки Иванами?

ГОСТОМЛЬ

Места лесковские. Гостомля
перелески.
Простор полей и тихий шум дубрав.
Как будто храмов обветшалых
фрески,
Разбросаны селенья тут и там.
Здесь дух особый. Грезится немало.
И столько благодати для души.
Мелькнут глаза живые Селивана,
В толпе — улыбка кроткая Левши.
И всюду жизнь — ребячья вьётся
поросль.
Брожу в полях по золотой стерне...
Живу надеждой — не иссякла совесть
Лесковских странников на
праведной земле.

СТАРЫЙ КОЛОДЕЦ

Касаюсь сруба — сердце сжалось...
И память всполохом зарниц.
Здесь всё когда-то начиналось
С ковша у дедовских криниц.
Колодцы рыл мой дед, гордился —
Отсюда род — изба к избе,
Чтоб сын и внук навек селился,
И стар и мал — судьба к судьбе.
Здесь вволю пелось, горевалось,
Имело всё глубокий смысл.
Здесь солнце с радугой венчалось
Над звонким древом коромысл.
Польнь у старого колодца.
Скрипучий ворот, сруб-труха.
Как горько — больше не поётся
И не гуляется в лугах.

РОДНИКИ

В черёмухе, цветущей вдоль реки,
Из-под горы, на дне сырых оврагов
Живут поющие лесные родники
В купелях, отороченных корягой.
Неповторимы их, призывны голоса
В напевах леса, дивном общем хоре,
Где все равны — и дрозд, и стрекоза —
Поёт родник о небесах и воле.
Как вера, чист, целебен, как любовь,
Как сон живителен... Из недр земли
струится...
Здесь путник спешится, и станет
смирно конь
Испить воды — как Богу поклониться.

СТАРУШКА

Старушка стоит у развилки дорог,
Со спелюю вишней корзинка у ног.
Недорого просит с проезжих людей,
На хлеб бы хватило на несколько
дней.
Да мимо машины. Старухи глаза
Печально глядят, как со стен образа.
И кажется, будто забыта издревле
В той старой печальнице наша
деревня.

...
Тревожная любовь к России
Печалью сердце защежит.
Не закружил бы ворон синий,
Не зачернил бы цвет раки.
Не дай-то Бог, колючий холод
Загубит поросль на цвету.
Не позабыть бы песню, говор
И поклонение кресту.
Пуститься б в пляс, да нет сноровки,
Сплеча б срубить, да стать не та.
Ногой бы в стремя... Всё уловки.
Грошовой жизни суета.
Ийти ли в храм, к холмам могильным,
Иль ждать знамение небес?
За что боролись — позабыли.
В пути опять попутал бес...

ЕСЛИ ВЕРНЁШЬСЯ...

Зорькой рассветной, в закатную ль
пору
Трактом ли, тропкой в бору
Выйдешь однажды к заветному полю,
К дому на вечном ветру.
Скрипнешь калиткой, вздохнешь у
рябины,
Лавку протрешь рукавом.
Ластиться будет собака у тына:
Вспомнила, знать, о былом.
Дом оглядишь. Вот замшелая крыша,
С дряхлой ступенькой крыльца...
Ласточек посвист нежданно
услышишь
И запрокинешь лицо.
Там твои птицы и прыть молодая,
Синь и бездонная высь.
Матушка выйдет в калошах, седая —
Ей ты за всех поклонись.

...
Страна великая, билинная,
Тобой душа не отболит,
Церквушкой кружевной старинною,
Рекою в серебре раки.
Не отболит родными далями,
Где сеял стрелы печенег,
Славян великими печальями
Из рода в род, из века в век.
Не отболит душа погостами,
Где в буйстве дикая сирень,
Войной просчитанными верстами,
Судьбою нищих деревень...
Небесталанна. Без удачи.
За всё, за всех — на мне вина.
Душа болит. А как иначе
Тебя любить, моя страна?!

...
Линялый август...
Встать до солнца,
когда ещё в ознобе сад
и пересуды у колодца
вчерашие ещё висят;
набросив — так, на всякий случай, —
на плечи дедовский бушлат,
хрустя антоновкой пахучей,
пробраться мимо спящих хат
за край села, где по-над лугом
туман раскинулся ковром;
брести в нём, влажном и упругом,
на колокольчики коров;
ступить в дымящуюся реку
и плыть заре наперерез...
Каких же нужно человеку
помимо этого чудес?

РЫБАК

С перегреву зарницами бредя,
день июльский отходит ко сну.
Напевая вполголоса, Федя,
размахнувшись, бросает блесну.

Котелок, закипая, дымится:
ох, ушица двойная густа!
Рыбы много пока в Моховице,
Федя знает такие места!..

Но не лезьте с расспросами к Феде —
пропадут понапрасну труды, —
он не слишком искусен в беседе,
любит молча сидеть у воды.

Сырость гасит его сигарету.
Федя, пристально глядя во тьму,
караулит бессонную реку...
Улыбаются звёзды ему.

ГЛУБИНКА

Сдвинув в сторону плетень,
Бог поставил мету
из окрестных деревень
именно на эту.

В холода дворы тесней
прижимались к тыну,
отмирили по весне,
пережив годину.

Быт размерен,
у людей
вкусы простоваты:
сговорясь, в апрельский день
все белили хаты.

Дружно — вспашка,
дружно — сев,
и любой при деле.
Здесь и немцы, обрусев,
под гармошку пели.

СЛУЧАЙ

...На глупость сетую свою,
стоял возница мокр и зол.
А конь, попавший в полынью,
не шёл ко дну...
Никак не шёл!

Острее бритвы кромка льда
кромсала выпуклую грудь,
и чёрно-бурая вода
зияла, как последний путь.

А своеволие реки
влекло безудержно под лёд.
И говорили мужики:
— Такая сила пропадёт!..